

Концепция человека в литовских и белорусских лечебных заговорах

Завьялова М.В.

В лечебных заговорах концепт человека распадается на два главных образа: человека страдающего, жертвы болезни, и человека действующего, заговаривающего, который излечивает жертву. Если человек заговаривающий активен, вступает в борьбу с болезнью, то человек-жертва представляется пассивным, не совершающим никаких действий, направленных против одолевшего его недуга. Кроме того, существует еще человек-враг, несущий опасность, способный наслать болезнь и становящийся в один ряд с причинами болезней (в белорусских заговорах – *брыдкі, жадны, нахальны, злы, паганы*). Опасность наиболее сильна в том случае, если она исходит от человека, входящего в группу, совокупность „плохих людей“ (в литовских заговорах – *blogi žmonės* ‘плохие люди’; в белорусских заговорах – *злыя, дзікія людзі*). При этом такая совокупность, как народ, выделяемая только в белорусских заговорах, обладает положительной коннотацией (*хрышчоны народ*) и является жертвой.

В белорусских заговорах четко прослеживается противопоставление *хороший (божий)* – *плохой (дикий)*, где жертва болезни, естественно, принадлежит к первому члену оппозиции, то есть пострадавший человек – раб божий (награждаемый иногда эпитетами, повышающими его статус, напр.: *раб божы хрышчоны, чыстаплонны, ражджэнны, благаславенны*). При этом особую роль имеет имя больного, которое обычно ставится в тексте после выражения *раб божы*. В литовских заговорах имя больного также употребляется, однако часто достаточно просто упоминания цвета волос пострадавшего, что понижает его статус. Например, заговариваемый может метонимически обозначаться в заговорах *balta galva* ‘белая голова’ или *juodas plaukas* ‘черный волос’, ср.: *Saulė – saulės, mėnuo – mēno, kirmėlė – kirmélės, vaikščiojo per rasų, kad vaikščioja tevaikščioja, juodam (gyvulio ar žmogaus plaukų spalva) plaukui tegul nevodija, neiškadyja* ‘Солнце – солнца, месяц – месяца, червь – червя, ходил по росе, коли ходит, пусть ходит, черному (цвет волос животного или человека) волосу пусть не вредит’ (Stukienė, p. 125, N 8). Невыраженность грани между человеком и животным, смешение их признаков и атрибутов, возможно, говорит об архаичности представлений в литовской заговорной картине мира (напомним, что в литовском языке, как и в древнерусском, отсутствует категория одушевленности/неодушевленности, благодаря которой в

славянских языках проводится четкая грань между живым и неживым миром), тогда как особое положение человека в белорусских заговорах более позднего происхождения – это, скорее, дань христианской традиции (см. эпитеты).

В остальном образ человека-жертвы („раба божьего“) в литовской и белорусской картине мира схож. Он является объектом, нуждающимся в помощи, не личностью, а скорее телом, из которого надо изгнать болезнь. В этом смысле он безличен, лишен самостоятельных проявлений и характера. В центре внимания – не человек, а его болезнь; человек служит локусом, откуда ее изгоняют. Заговаривающего интересует только целостность организма и признаки нормальной его жизнедеятельности (напр., в белорусских заговорах: *каб хварэць перастаў, штоба балець перастаў, каб спала і гуляла, прыбывала, вяліка расла, дай Бог Тані пілось, елась, спаць хацелась*).

В литовских заговорах, как правило, человек воспринимается как целостный, неделимый объект: *Dieve Tėve ir Dvasia Šventa, padék man tą žmogu pagelbét ir duok skausmus tuo jo atimti* ‘Бог-Отец и Дух Святой, помоги мне этого человека спасти и дай боли от него отнять’ (Balys, p. 81, N 524). В белорусских заговорах, наоборот, человек предстает в виде набора частей тела: ...*Ішла раба Божая маці з цясовымі ведрамі, з залатымі метламі ад рабы божай (имя) агонь убіраць з ручак, з ножак, з ачыц, з плячиц, з пальчикаў, з сустаўчикаў, з белае касці, з чырвонае крыві, з салодкага жываточка...* (Замовы, 738, ад жару).

В отношении частей тела в литовской и белорусской заговорной картине мира также существует ряд различий. Прежде всего, поражает явно избыточный перечень частей тела в белорусских заговорах, тогда как в литовских он скорей недостаточен. В литовской заговорной картине мира выделяются только глаза, кость, мозги, жилы, кровь, рука, суставы, десны, зубы. Голова и волосы, как уже упоминалось, являются синонимами человека и ни в одном контексте не предстают как части тела. Интересно, что в литовских заговорах зафиксированы только единичные употребления таких частей тела, как мозги, кожа, суставы, лоб, грудь и десны; в основном же выделяются такие части тела, как кровь, зуб и кость, которые являются причиной соответствующих болезней (кровь – кровотечение, зуб – зубная боль, кость – вывихи) и упоминаются в заговорах, посвященных этим болезням.

В белорусских заговорах любая болезнь, даже четко локализованная, изгоняется из всех частей тела, напр.: *Зуб үменны, зуб өменны, зуб і бакавы, зуб і рагавы, зуб і үлемянны. Угавараю үябе з Васькавай з зубай галавы, з румянае крыві, і з рацівога сэрца і белага ліца, з чорных*

броў, з жыл, з пажыл, з касцей, з машчэй, з усіх печаней, з ясных вачэй броў, з жыл, з пажыл, з касцей, з машчэй, з усіх печаней, з ясных вачэй (Замовы, 642, ад зубнога болю). Последовательность частей тела при таких перечислениях может быть самой разной, далеко не всегда, как в приведенном примере, первое упоминание – о голове. Описание может идти и в обратном порядке (от ног до головы), однако чаще всего первыми упоминаются кости, жилы (реже – сердце, глаза, ноги). Независимо от того, с какой части тела началось перечисление, заканчиваться оно может как нижним отделом тела, так и верхним. Несмотря на такую непоследовательность, четко выделяются „основные“ части тела, упоминаемые практически во всех перечислениях независимо от характера болезни. Это прежде всего кровь, кости, голова, жилы; реже встречаются, но тоже важны сердце, глаза, суставы, живот, ноги и руки.

Показателен также статус отдельных частей тела: если в белорусской картине мира каждый орган – не более чем часть, элемент целого и поэтому не выделяется как что-то значимое, то в литовских заговорах некоторые части тела воспринимаются как вполне самостоятельные объекты, способные совершать даже конкретные поступки. Ср., например, распространенный мотив диалога с зубами: – *Dantys, dantys, ar jūs buvot ant to svieto? – Ne. – Ar jūs žinot, ar ten sopa dantys? – Ne. – Tai tegu ir tau nesopa!* ‘– Зубы, зубы, были ли вы на том свете? – Нет. – Знаете ли вы, болят ли там зубы? – Нет. – Так пусть и у тебя не болят.’ (LTR 4311 (67)). В литовских заговорах некоторые органы часто воспринимаются как причина болезни самого себя, и пригрозив им, можно добиться их „хорошего“ поведения, напр.: *Aš éjau per žalią girią ir matai gilių šulinį. Aš tave noriu, tave, 'tq danti', noriu prigirdyti ir nugramzdinti, kad tu man daugiau nebeskaudētum.* ‘Я шел через зеленый лес и вижу глубокий колодец. Я хочу тебя, тебя, ‘тот зуб’, хочу напоить и утопить, чтобы ты у меня больше не болел’ (Balys, p. 67, N 444), ср. также аналогичные примеры обращения к костям в заговорах от боли в костях (ломоты): *Kaulelis, iššokęs iš savo vietos, atgal kaulq į savo vietą, kur Dievs tave sutvėrės* ‘Кость, выскочившая из своего места, назад кость на свое место, где Бог тебя сотворил’ (Balys, p. 73, N 479).

В белорусских заговорах наблюдается другая особенность: части тела не только не самостоятельны, а зависимы, причем даже не от человека, а от всего мироздания. Каждый орган может соотноситься с элементом вселенной. Можно проследить интересные закономерности в зависимости от фокуса внимания. Например, кости соответствуют горам, городам, мостам, кровь – рекам, водам. При другом масштабе рассмотрения тело может сравниваться с церковью, кости и жилы

– с воротами, суставы – с замочками (при родах). В то же время при восприятии тела как помещения руки и ноги соответствуют дверям, матка (златник) – столу. Возможно также соотнесение человеческого тела с деревом (ср.: кости – корни, листья). При смещении фокуса внимания рот может соотноситься с морем, полем, небом, а зуб – с дубом, камнем, месяцем. Возможно сопоставление живота с небом, в таком случае центр – матка (златник) сопоставляется с месяцем, облаками. Таким образом, части тела человека входят в контекст мирового пространства сразу в нескольких измерениях.

Сравнение может идти и в обратном порядке: обращаясь к определенным элементам пространства и составляя их в нужном порядке, можно воздействовать на соответствующие органы и достигнуть упорядоченности в организме: *Išioj Gaspodžiu garami iš Žoram, z Mikołam, svatym Piotrom-Paúlam. Jany gory līčylī, gory scytali, kab gory z garami sħadzilis, i ræk i z rakami, i žyly z žylym, kroj iż kroj, kosc z koscju, zvīx z zvīxam* (Замовы, 568, ад звіху, выбою, удара).

В литовских заговорах таких сопоставлений практически нет, есть только единичные примеры, указывающие на возможность подобных приемов, ср., напр., традиционное сравнение крови с рекой или мотив завязывания крови ниткой и зашивания раны, что может быть отголоском соответствующего ритуала: ...*Kap šitu raikšteli mazgiosi mazgelias, taip mazgau rišu tavy, NN kraujas, aš tau insakou, iš kūno nebék, saulės nemacyk, šviesai nesirodzyk* ‘...Как этот шнурок узелками вяжу, так вяжу, завязываю тебя, кровь NN, я тебе приказываю, из тела не беги, солнца не видь, свету не показывайся’ (LTR 3477 (146)).

В еще большей степени различается в литовской и белорусской заговорной картине мира образ человека заговаривающего, хотя его функции и цели в двух традициях являются идентичными: в отличие от человека-жертвы болезней, основные его проявления – активные действия по устранению болезни.

Действия заговаривающего – это прежде всего перформативные глаголы говорения, в белорусских заговорах: *дамаўляю, загавараю, умаўляю, праклінаю* и т.д.; в литовских заговорах: *sakau* ‘говорю’, *insakau* ‘приказываю’, *kalbu* ‘говорю’, *užkalbu* ‘заговариваю’, *užkeikiu* ‘заклинаю’, *liepiu* ‘велю’ и т.д. Отдельную большую группу в белорусских заговорах составляют глаголы прошения: *прашу, упрашываю, умаліваю, на помач прызываю, малю* и т.д., обращенные не только к божественным персонажам, но и к болезням. Литовский заговаривающий ведет себя более независимо, редко унижается до просьб, как правило, используя глаголы с более сильной семантикой – повеления, приказания, заклина-

ния.

В белорусских заговорах действия, направленные непосредственно на извлечение и удаление болезни, представлены, прежде всего, глаголами отсылки: *выганяю, высылаю, адкідаю, адправлю*, *высыляю* и т.д., а также немногочисленными, по сравнению с предыдущей группой, глаголами, называющими активные действия по уничтожению болезни: *засякаю, закусую, выбіваю, грызу*. В литовских заговорах представлены глаголы, называющие весьма разнообразные магические действия заговаривающего и, вероятно, отражающие соответствующие ритуалы: *šaipu* ‘убиваю (выстрелом)’, *kandu* ‘кусаю’, *graužiu* ‘грызу’, *rišu* ‘завязываю’, *kertu* ‘рублю’, *tezgu* ‘вяжу, плету’, *rakinu* ‘запираю’, *ištrinu* ‘растрираю’, *siūvu* ‘шью’, *išiti* ‘вынимаю’, *plaku* ‘бью’ и т.д.; и только несколько глаголов отсылки: *siunčiu* ‘посылаю’, *nugetu* ‘выгоняю’, *vadou* ‘гоню’.

Таким образом, заговаривающий в литовских заговорах ведет себя более активно и самостоятельно, чем в белорусских. В литовских заговорах явно отражается самосознание человека, считавшего себя способным справиться со всеми неприятностями без посредников, при помощи силы слова и действенного ритуала. В отличие от него, человек в белорусских заговорах – существо подчиненное, сознающее свое зависимое положение и целиком полагающееся на более могущественных покровителей (см. многочисленные мольбы и просьбы).

Это отражается и на отношениях с другими объектами: в литовской традиции в руках заговаривающего предметы, которым поклоняется белорусский захар, являются не больше чем инструментами, ср., с одной стороны, литовский заговор: *Saulės vardu, perkūno grousnu tau, drugy, insakou, tavi varou nog žmonių, nog gyvulių, nog poukščių, nog kiekvieno gyvo garo...* *Jei many nepaklousysi, tavi saulės spinduliu išdžiovinsiu, saulės kaitru nukamuosiu, gailiu rasu prigirdzysiu, užkerētu duonu pripenesiū* ‘Именем солнца, громом пяркунаса тебе, лихорадка, призываю, тебя гоню от людей, от животных, от птиц, от любого живого духа... Если меня не послушаешь, тебя солнечным лучом высушу, солнечным жаром замучаю, горькой росой напою, заколдованным хлебом накормлю’ (Krèvè-Mickevičius, p. 507, N XVI); и, с другой стороны, белорусский заговор: *Просім цябе, сонца краснае, мясечко ясны, святых вясёлых звёзд, і святуога Івана Ксціцеля, каторы ксцію Ісуса Хрыста, і зямлю і воду, і ўсіх нас грэшных, просім вас і кланяемся вам* (Замовы, 295).

При этом основными инструментами заговаривающего как в белорусских, так и в литовских заговорах являются все-таки вещи

нематериального порядка – слово, дух и имя, напр., в белорусских заговорах: *я цябе (рожа) словам убіваю; я цябе сваім духам выдымамо; прымі мой дух, любі мой дух*; в литовских заговорах: *bijok garo mano* ‘бойся моего пары’; *kvapi tau šaipu* ‘духом тебя убиваю’, ...*mano vardas nemëga* ‘...мое имя не спит’.. В белорусских заговорах довольно распространенным является прием, когда заговаривающий как бы прячется за более могущественного персонажа, снимая с себя всякую ответственность за исход дела: (*вогнік*) *я цябе ...ад раба божага выганяю - не сам я собой - Госпадам Богам, іменем сваім Га?рылам* (Замовы, 731, ад вогніку), ср. также частые присказки в белорусских заговорах: *мае слова - гасподні дух; не сваімі думамі, гасподнімі славамі*. Этот прием совсем не встречается в литовских заговорах. В этом случае слово заговаривающего уже не является его собственностью, а относится к персонажу более высокого ранга. Таким образом, заговаривающий может „превращаться” в святых, Богородицу, Иисуса Христа, вечернюю зарю. В литовских же заговорах заговаривающий может не только ставить себя наравне с этими персонажами и использовать их в качестве орудий, но и приказывать им: *Valiolio Dzievolio, per Dougio akmeneli, per Bubį ūzuoleli, tavy prašou, tau insakou - žodži tark, krojų sulaikyk* ‘Господи Боже, через камень Доугис, через дуб Бубис, тебя прошу, тебе приказываю – слово скажи, кровь удержи’ (Krèvè-Mickevičius, p. 504, N III).

Частое упоминание в белорусских заговорах могущественных сил обуславливает появление многочисленных действующих лиц, как относящихся к высшему рангу (святых), так и второстепенных, принимающих активное участие в избавлении человека от болезни. В литовских заговорах количество таких „посредников” сведено к минимуму, поскольку заговаривающий устанавливает непосредственный контакт с нужными ему стихиями. В литовских заговорах прослеживаются только следы позднейших наслоений соответствующего содержания.

Явное разделение в белорусском заговорном мире человека обычного, подчиненного, просящего, и, с другой стороны, более могущественных персонажей, наделенных особыми силами, обуславливает, по-видимому, и дистанцию между ними. В белорусских заговорах заговаривающему необходимо преодолеть некоторый барьер, чтобы достичь „другого мира”. Именно в нем разворачивается основное действие заговора, происходит борьба или достигается мирный договор двух начал. Подавляющее большинство белорусских заговоров начинается с пути в этот мир, с постепенным сужением фокуса, приближением к центру, к сути (ср.: *устану я раненъка, памыюся* *приближением к центру, к сути* (ср.: *устану я раненъка, памыюся* *приближением к центру, к сути* (ср.: *устану я раненъка, памыюся* *приближением к центру, к сути* (у чыстае поле, пад жаркае сонца, на бяленъка, выйду за вароты (у чыстае поле, пад жаркае сонца, на бяленъка, выйду за вароты

гару), стану над ясным небам и т.п.) с целью обратиться с просьбой к могущественному персонажу (найду да Господа Бога, к святому Mixailu). В литовских заговорах этот мотив выражен менее четко, путь заговаривающего не сопряжен с какой-то целью: если он куда-то идет, то, как правило, случайно встречается с болезнью, что коррелирует с аналогичными сюжетами пути божественных персонажей в литовских и белорусских заговорах. Целенаправленное продвижение заговаривающего к центру мира нехарактерно для литовских заговоров, вероятно, потому, что он мним себя самим центром мира; ему не надо куда-то идти для контакта с определенными силами мироздания, ему все доступно здесь и сейчас. Вероятно, поэтому у него нет четко обозначенной сферы „своего“ пространства: он может „стоять в реке“ или „сидеть на море“; в то время как заговаривающему в белорусских заговорах надо перейти определенную границу, чтобы выйти из своего мира (хаты), и, преодолев некоторое пространство, попасть в нужный ему локус. Для этого необходим соответствующий ритуал, включающий такие параметры, как определенное время действия (утром рано), способ действия (умоюсь беленько) и движение в определенном направлении (под восточную сторону). В литовских заговорах этих условностей нет: заговаривающий ощущает себя частью того пространства, к которому он обращается, и со всеми действующими там силами общается на равных.

Мы видим, что образы человека в литовских и белорусских заговорах можно противопоставить по признакам целостности / расчлененности (образ человека – жертвы болезни), близости к животному, природному миру / сопоставимости с объектами мироздания в глобальном масштабе и близости к божественному, а также самостоятельности, уверенности в себе / несамостоятельности, подчиненности высшим силам. На одном полюсе, таким образом, оказывается человек сильный и цельный, владеющий ситуацией и способный влиять на окружающую действительность (что, собственно, и отвечает основной сути заговора); на другом – человек зависимый от любых проявлений внешнего мира (болезней, стихий, других людей, святых и проч.). Иными словами, мы наблюдаем, если можно так выразиться, исчезновение типа личности, предстающего в литовской заговорной картине мира, исчезновение ярко выраженного самосознания, воли и силы действия человека. С другой стороны, появляется личность другого порядка; созидающая

свою соотнесенность с мировым устройством, представляющая себя как часть универсума и стремящаяся прийти в соответствие с другими элементами пространства. Возможно, это принципиальное различие в какой-то мере объясняется тем, что на белорусскую традицию наложило существенный отпечаток христианское мировоззрение, которое лишь в слабой степени отразилось на литовской традиции. В Литве, поздно принявшей христианство, языческое мировоззрение, по-видимому, сохранялось значительно дольше, что отражается и на восприятии роли человека и его места в структуре мироздания. Однако, более вероятно, что эти особенности коренятся глубже – в народном сознании, которое определяет и выбор конфессии, и развитие ее в рамках данных национальных традиций.

Список сокращений

Замовы = Замовы. Уклад. Г.А. Барташэвіч (БНТ: Беларуская народная творчасць). Мінск, 1992.

Balys = Balys J. Liaudies magija ir medicina. Bloomington, Indiana, 1951.

Krėvė-Mickevičius = Krėvė-Mickevičius V. Kerai // Tauta ir žodis, IV, 1926.

LTR = Lietuvių tautosakos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).

Stukienė-Decikienė = Stukienaitė-Decikienė Pr. Užkalbėjimai Švenčionių apskrityje // Gimtasis kraštas, 1941 - VIII m. 1-2 (Nr. 28-29).

Žmogaus santykis su aplinka

Vytautas Tadas Kapciauskas

Jokia kultūra, jokia civilizacija nėra paneigusi aplinkos įtakos žmogui. Tačiau nuolat iš naujo grįžti prie šio klausimo skatina ta aplinkybė, kad dažnai nukrypstama į vienašališką šios įtakos samprą.

Per keletą pastarųjų dešimtmečių (ir dėl visiems žinomų tarybinio gyvenimo realijų) susiformavo perdėm materialistinė pažiūra į žmogų tik kaip į kūnišką būtybę, egzistuojančią nuo biologinio gimimo iki biologinės mirties, todėl ir aplinkos įtaka žmogui buvo suprantama vien kaip įtaka jo kūnui bei psichikai, kaip šio kūno funkcijai: sveikatai, įvairių organų fiziologijai, genams ir pan.